

МИЛА ШЕЛЕСТ

ЧАЙНАЯ ЛАВКА

РОМАН О ВОЗВРАЩЕНИИ К СЕБЕ



Мила Шелест

ЧАЙНАЯ ЛАВКА

«Автор»

2026

Шелест М.

ЧАЙНАЯ ЛАВКА / М. Шелест — «Автор», 2026

Уютная проза о том, как найти себя, когда кажется, что всё потеряно. Варвара теряет работу, которая была её жизнью пятнадцать лет. Вместо того чтобы в панике искать новую, она открывает маленькую чайную лавку. Здесь нет дедлайнов и отчётов. Есть только банки с травами, старые полки и люди, которым не хватает самого простого — внимания. Через её лавку проходят те, кто разучился слышать себя: спортсменов на грани выгорания, девушка, стыдящаяся своего отражения, пара, теряющая память, и молодая мама, забывшая, как спать. Помогая им, Варвара сама проходит путь от страха и сомнений к обретению истинной силы.

© Шелест М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ I. КОРНИ	5
Глава 1. Коробка из-под принтера	5
Глава 2. Одиннадцать дней поисков	8
Глава 3. Первые три недели	10
Глава 4. Язык трав	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Мила Шелест

ЧАЙНАЯ ЛАВКА

ЧАСТЬ I. КОРНИ

Глава 1. Коробка из-под принтера

Коробка из-под старого лазерного принтера оказалась неожиданно тяжёлой. Не из-за содержимого — внутри была лишь кружка с отбитым краем, потрёпанный блокнот в мягкой обложке, несколько ручек, которые вечно теряли колпачки, и маленькая комнатная мята в пластиковом горшке. Мята давно превратилась в сухой, шуршащий памятник моим офисным амбициям: жалкие сморщенные листочки, которые когда-то пахли летом, а теперь источали запах пыли и забытых надежд. Я поливала её по привычке, механически, как поливала бы всё, что стояло на моём рабочем столе — папку с документами, степлер, антистресс-мячик в форме помидора. Растение выжило не благодаря мне. Оно выжило вопреки.

Тяжесть исходила от чего-то другого. От тишины.

От звука двери, захлопнувшейся за моей спиной не с привычным, обнадёживающим щелчком магнитного замка, а с глухим, окончательным стуком. От странного ощущения, что за пятнадцать минут разговора с начальником — короткого, делового, без лишних слов — я перестала быть старшим специалистом отдела логистики и превратилась просто в женщину с картонной коробкой в руках, стоящую на сером, до блеска натёртом линолеуме в безликом коридоре бизнес-центра класса «А».

Я не плакала. Не сжимала кулаки до побелевших костяшек. Не произносила вслух громких фраз о несправедливости мира и не клялась себе, что докажу всем, на что способна. Внутри не было ни паники, ни гнева. Было странное, почти физическое ощущение облегчения. Словно я пятнадцать лет носила в груди невидимый, но непосильный груз, напрягала плечи, стискивала зубы по ночам, боялась сделать лишний шаг или сказать лишнее слово, чтобы не разрушить хрупкую, шаткую конструкцию под названием «стабильность». А теперь кто-то просто перерезал верёвку. Груз с грохотом упал. И я наконец смогла вздохнуть полной грудью, и этот воздух был сладок.

Лифт бесшумно спускался, скользя вниз по шахте. В тусклом стекле кабины отражалось моё лицо: уставшие глаза с глубокими тенями под ними, прямые тёмные волосы, собранные в небрежный, сползающий хвост, пиджак, который давно перестал быть «офисным» и стал просто удобной, привычной верхней одеждой, скрывающей сутулость. Я поправила ремешок сумки на плече, поудобнее взяла коробку и вышла на улицу.

Июньский воздух был тёплым, густым, почти осязаемым. Он пах нагретым асфальтом, городской пылью и тем далёким влажным ароматом дождя, который вот-вот прольётся где-то на горизонте. Город шумел своим привычным, неумолимым гулом: гудели машины в пробках, звенели трамваи на поворотах, где-то смеялись люди, перебежавшие дорогу на зелёный свет. Я шла медленно, не глядя под ноги, впервые за много лет просто так, никуда не направляясь, не сверяясь с часами. В телефоне в кармане молчали рабочие чаты. Не было срочных писем с пометкой «АСАП», не поджимали дедлайны, не требовали отчётов. Внутри нарастало спокойствие, заполняя собой всё то пространство, которое раньше безраздельно занимала липкая фоновая тревога.

И в этой тишине, словно первый зелёный росток, пробивающийся сквозь трещину в бетоне, всплыло воспоминание. Не яркое, не кинематографичное, как в фильмах. Просто

запах. Сушёная липа. Тёплая, сладковатая, чуть терпкая, с медовыми нотками. Так она пахла не в аптеке, не в безликих бумажных пакетиках, а на старой бабушкиной кухне в деревне, где на широком подоконнике лежали газеты, перевязанные грубой бечёвкой, а на них — россыпью — желтели и зеленели собранные вручную цветы.

Я помню, как бабушка снимала их с веток аккуратными, бережными движениями, не ломая и не давя, словно обращалась с живыми, дышащими существами. Помню, как она говорила, поправляя очки:

— Липу нельзя сушить на солнце, Варюша. Она выдыхает всю свою душу. Только в тени, на сквозняке, и обязательно накрой марлей от пыли.

Помню, как сама в детстве пыталась заварить липу в большой кружке, забыв накрыть её блюдцем, а потом удивлялась, почему вкус такой пресный, невыразительный и никакой пользы.

Я остановилась у пешеходного перехода. Загорелся зелёный человечек. Я шагнула на зебру и вдруг почувствовала, что улыбаюсь. Не громко, не демонстративно, не для кого-то. Просто уголки губ дрогнули, разглаживая давнюю глубокую морщинку у рта. Пятнадцать лет я просыпалась по будильнику, на бегу пила растворимый кофе, обжигая язык, отвечала на звонки, согласовывала накладные, училась сохранять каменное лицо, когда внутри всё сжималось от хронической усталости. И всё это время где-то в глубине, под толщей отчётов и корпоративных правил, жила та самая девочка, которая верила, что жизнь пахнет травами, что помощь может быть незаметной и тихой, что забота — это не тяжкая обязанность, а свободный выбор.

Я потеряла работу. Но я не потеряла себя. Скорее, я вернула то, что по глупости давно отдала в аренду чужим целям.

Дома я поставила коробку на пол у входа, сняла неудобные туфли, криво прислонив их к стене, и прошла на кухню. Я вымыла руки с мылом до самых локтей. Не механически, на автомате, как делала это всегда, возвращаясь с работы, а медленно, вдумчиво. Я чувствовала, как прохладная вода смывает невидимую, но осязаемую пыль кабинетов, как оживает кожа на ладонях, возвращая себе чувствительность.

Потом я распахнула окно настежь, впуская в квартиру сквозняк и звуки летнего дня, и достала из дальнего угла шкафа ту самую кружку. Не офисную, с логотипом компании. Домашнюю. Тяжёлую, керамическую, с неровным, слегка скошенным краем, которую я купила на ярмарке мастеров три года назад и ни разу не использовала, берегла для особого случая. Оказалось, что этот случай настал сегодня.

Я налила воды из чайника. Но не стала сразу заливать ею траву. Дала ей минуту постоять, чтобы температура опустилась до нужных, щадящих восьмидесяти градусов — крутой кипяток убивает витамин С и разрушает тонкие эфирные масла, превращая полезный настой в бесполезный отвар. На дно кружки положила две столовые ложки сушёной липы, добавила щепотку перечной мяты и одну звёздочку бадьяна для более насыщенного аромата. Залила водой. И сразу же, не раздумывая, накрыла чашку блюдцем — бабушкино правило: иначе вся сила улетучится с паром.

Я ждала.

Пар поднимался тонкой извивающейся струйкой, просачиваясь между краем чашки и блюдцем. Комнату наполнил аромат. Не резкий, не навязчивый, не аптечный. Тихий. Уверенный. Обволакивающий. Словно кто-то невидимый подошёл сзади, положил руки на плечи и тихо сказал: «Ты на месте. Можно начинать».

Я сделала первый глоток. Вкус был мягким, сладковатым, с лёгкой терпкостью и медовыми нотками. Напиток проникал не в желудок, а куда-то глубже — в те места, где годами копилась усталость. Где напряжение ощущалось в плечах, челюстях, спине. Травы не лечили мгновенно, как таблетки. Они действовали медленно, терпеливо, как весенний снег, тающий

на солнце, — капля за каплей, пропитывая землю до самых корней. Они напоминали телу, как дышать. Как расслабляться. Как быть живым.

Я допила чай, поставила кружку на стол и посмотрела в окно. День клонился к вечеру, и солнце садилось, окрашивая стены соседних домов в мягкий золотистый цвет. Где-то вдалеке застучал поезд.

— Хорошо, — тихо сказала я вслух, сама не зная, кому адресованы эти слова. Траве? Себе? Ему? — Хорошо. Я всё осознала.

Я больше не стала ложиться. Вместо этого я села за стол, достала свой блокнот — тот самый, с плотной шершавой бумагой, в котором когда-то вела рабочие записи, а теперь решила вести записи о другом. И на чистой странице написала не план отчёта, а одно предложение:

«Травы дают инструмент. Но лечит внимание. Сегодня я увидела: мои руки помнят то, чему меня учили, даже если разум это забыл».

За окном шумели липы. Их листва шелестела мягко, почти ласково. Я смотрела на этот свет и чувствовала, как внутри меня что-то медленно, но верно меняется. Не ломается. Не разрушается. А перестраивается. Как дом, в котором меняют не стены, а только окна, чтобы впустить больше света.

Я ещё не знала, что впереди меня ждут месяцы испытаний, сомнений и открытий. Год, за который я стану не просто травницей, а той, кем мне суждено было стать с самого рождения. Но я уже чувствовала: что-то началось. Что-то, чему нельзя помешать. Как нельзя помешать весне прийти после зимы. Как нельзя помешать семени прорасти, если оно попало в хорошую землю.

Я закрыла блокнот, встала и пошла умываться. Впереди был новый день. И я была готова его встретить.

Глава 2. Одиннадцать дней поисков

Поиск помещения занял ровно одиннадцать дней.

Я не искала «идеальное место в центре с панорамными окнами и евроремонтом». Таких вариантов в моём бюджете не было. Бюджета, честно говоря, почти не осталось. Все сбережения, которые я по чуть-чуть откладывала семь лет на «чёрный день», ушли на первый месяц аренды, залог, минимальный косметический ремонт и первые, самые необходимые закупки сырья. Я считала каждую копейку. Не в панике, не сжавшись от страха, а с ясной, почти математической сосредоточенностью. Как бухгалтер, который подводит баланс, зная, что цифры не врут, но и не убивают. Они просто отражают реальность, с которой нужно работать.

Первые три дня я объезжала варианты, которые предлагали риелторы. Все они были похожи друг на друга, как близнецы: стеклянные витрины, пластиковые панели, запахи новой краски и чужой жизни. В одном помещении раньше был салон сотовой связи — на стенах ещё виднелись следы от рекламных плакатов. В другом — точка по продаже разливного пива, и от этого запаха не могли избавиться даже после трёх обработок озоном. В третьем — нотариальная контора, и я почему-то почувствовала себя неуютно, словно вошла в чужой дом, где ещё хранятся чужие тайны.

Я отказывалась от каждого. Не потому, что они были плохими. А потому, что они не были моими.

На четвёртый день я перестала звонить по объявлениям и просто пошла гулять. По тем районам города, где ещё сохранились старые одно- и двухэтажные дома, где тротуары вымощены камнем, а не плиткой, где во дворах растут не стриженные газоны, а настоящие деревья — липы, клёны, старые яблони.

И я нашла его.

Бывший магазин тканей на тихой, утопающей в зелени улочке, где ещё сохранились старые раскидистые липы. Дверь скрипела на ржавых петлях. Окна требовали тщательной мойки с обеих сторон. Пол в дальнем углу просел, и туда уже давно никто не заходил — там пахло сыростью и пылью. Но там был свет. Он падал с южной стороны, заливая помещение мягким золотистым сиянием. Широкий глубокий подоконник идеально подходил для сушки трав. Высокие потолки, на которые можно было повесить льняные мешочки с запасами. И тишина. Не глухая, давящая тишина офиса, а живая, дышащая. Было слышно, как шумят листвою деревья, как у соседей тихо играет радио, как цокают каблучки редких прохожих по мостовой.

Хозяин, пожилой мужчина с добрыми выцветшими глазами и привычкой говорить медленно, без суеты и пафоса, показал мне помещение. Звали его Николай Петрович. Он жил в доме над магазином, в той самой квартире, где когда-то жила его мать, державшая здесь ателье.

— Полы надо перестелить, проводку проверить, да и стены освежить, — сказал он, обводя рукой помещение. Голос у него был низкий, бархатный, с лёгкой хрипотцой — голос человека, который много лет говорил тихо и не спешил. — Но место хорошее, доброе. Раньше здесь была швейная мастерская. Потом магазинчик тканей. Потом — ничего. Как-то не прижилось у людей. Может, у вас получится.

Он говорил не как хозяин, сдающий помещение. Он говорил как человек, который передаёт в чужие руки что-то важное. Что-то, что он сам не смог уберечь.

Я кивнула. Не обещала золотых гор и бурной деятельности. Просто сказала:

— Я попробую.

Он посмотрел на меня внимательно, долго. Потом кивнул в ответ:

— Вижу, что попробуете. Не каждый так смотрит на это место. Большинство сразу начинают мерить стены рулеткой. А вы — слушаете.

Я не стала спрашивать, что он имеет в виду. Просто приняла его слова как подарок.

Он протянул мне ключи. Тяжёлые, латунные, с потёртым брелоком в виде маленького листочка. Я закрыла за ним дверь и осталась одна. В центре пустой комнаты стояла старая, потрёпанная деревянная тумба. Я села на неё, обхватила колени руками и слушала, как бьётся сердце. Не от страха. От предвкушения. Это было похоже на момент перед посадкой семечка в землю. Ты не знаешь наверняка, прорастёт ли оно. Но знаешь, что земля готова. И руки готовы. И время пришло.

Я сидела так долго. Смотрела, как по стенам ползут тени от лип за окном, как пылинки танцуют в солнечном луче, как медленно, но верно это пустое пространство начинает становиться моим. Я представляла, как здесь появятся полки с банками. Как на подоконнике будет сушиться мята. Как зимой, когда за окном метель, здесь будет пахнуть летом. Как сюда будут приходить люди — не за чудом, не за волшебной таблеткой, а за теплом, за вниманием, за тем редким ощущением, что их слышат.

Я не знала, придут ли они. Не знала, хватит ли денег на следующий месяц. Не знала, справлюсь ли я. Но я знала одно: я больше не боюсь пустоты. Потому что пустота — это не отсутствие. Это пространство. Место, куда можно вложить всё, что действительно важно. Внимание. Заботу. Время. Любовь.

Глава 3. Первые три недели

Следующие три недели я разрывалась между домашними делами и работой в помещении.

Утром я мыла полы, соскребала со стен старый пожелтевший клей от обоев, красила потолки свежей белой краской. Работа была тяжёлой, непривычной для рук, которые пятнадцать лет печатали на клавиатуре. Спина ныла, пальцы болели, под ногтями навсегда поселилась краска. Но странное дело — голова стала яснее. Физическая усталость вытесняла тревогу, которая годами жила в затылке. Я засыпала, едва коснувшись подушки, и спала без сновидений, впервые за много лет.

Днём я бегала по рынкам и оптовым базам в поисках сушёного сырья. Сравнивала цены, проверяла качество на ощупь и по запаху, училась отличать хорошую ромашку от пересушенной пыли. Это была новая наука. Не та, что давалась в офисных тренингах, где учили «продавать воздух» и «создавать ценность». Здесь ценность была реальной. Она пахла летом. Она была живой.

Вечером я сидела на полу, подстелив газету, и раскладывала по коробкам первые покупки: аптечную ромашку, мяту перечную, чабрец, измельчённый шиповник, кору дуба, листья чёрной смородины.

Каждая банка требовала внимания. Готовые блестящие этикетки я не покупала. Я вырезала их из плотной крафт-бумаги и от руки писала чёрным маркером: название, дату сбора, место, срок годности. Не для красоты. Для порядка. Для уважения к тому, что я делаю.

Травы — это не декор. Это живое сырьё. Оно дышит, меняет цвет, источает аромат, требует определённых условий. Я училась этому заново, хотя знала эти истины с детства. Я перечитывала свои конспекты, вспоминая, что зверобой нельзя хранить на свету, иначе он потеряет свои свойства и потемнеет. Что календула боится влаги. Что липа впитывает посторонние запахи, как губка. Я расставила банки так, чтобы тяжёлые корни были внизу, а лёгкие цветы — на полках повыше, чтобы до каждой можно было дотянуться, не вставая на табурет. Чтобы каждая банка была на виду. Чтобы ни одна не пылилась в забытом тёмном углу.

Деньги таяли с пугающей скоростью. Я считала их каждую пятницу. Плата за аренду — раз. Коммунальные услуги — два. Закупка стеклянной тары — три. Бумажные пакеты, ленты, этикетки — четыре. На еду оставалась строго определённая, скромная сумма. Я варила овсянку на воде, добавляла в неё ложку мёда и щепотку корицы. Пекла простые сытные лепёшки на кефире. Не жаловалась. Я не сравнивала себя с подругами, которые выкладывали в соцсети фотографии из ресторанов или летали в отпуск. Я знала, что это не жертва. Это инвестиция. В себя. В место, где я наконец смогу быть собой, а не функцией.

Однажды вечером, когда за окном уже стемнело, а я сидела на полу и перебирала сушёные листья смородины, отбраковывая поломанные, в дверь постучали. Негромко. Неуверенно. Я открыла. На пороге стояла соседка, женщина лет шестидесяти, с седыми волосами, аккуратно собранными в пучок, и в фартуке с мелким цветочным узором. Звали её Галина Ивановна, и она жила в доме напротив.

— Я видела, что вы тут обустраиваетесь, — тихо сказала она, заглядывая в полутёмное помещение. — У меня остались старые полки. Деревянные, крепкие. Муж делал, давно лежат в сарае, только место занимают. Может, вам пригодятся?

Я не стала отказываться из ложной гордости. Поблагодарила. Мы вместе привезли их на старой садовой тележке, я отмыла их от пыли, зашкурила наждачной бумагой и покрыла льняным маслом. Они как влитые встали вдоль стены. Будто так и должно было быть, будто они ждали именно этого места и именно этого времени.

Галина Ивановна осталась на чай. Мы сидели на табуретах, пили настой из мяты, и она рассказывала мне историю этого места. О том, что раньше здесь была швейная мастерская,

где её мать шила платья на заказ. О том, что потом был магазин тканей, где продавали ситец и сатин, и женщины приходили сюда, как на праздник, выбирать материал для будущих нарядов. О том, что потом всё закрылось, и место стояло пустым, и никто не мог найти ему применения.

— Видно, ждало кого-то особенного, — сказала она, глядя на меня через край чашки. — Вот и дождалось.

Я не знала, что ответить. Просто кивнула и налила ей ещё чаю.

В тот вечер, проводив Галину Ивановну, я увидела, что помощь не всегда выражается в деньгах или умных советах. Иногда она выражается в старых, крепких полках. В фартуке с цветочным узором. В тишине, которую кто-то позволяет тебе заполнить по-своему, ничего не требуя взамен.

Я легла спать с ощущением, что корни моей лавки пускаются всё глубже. Что место принимает меня. Что я — не случайный гость. Я — часть чего-то большего.

Глава 4. Язык трав

Утро в новой жизни начиналось не по будильнику. Оно начиналось со света.

Солнце поднималось над крышами, проникало сквозь чистые, вымытые стёкла, ложилось на пол тёплыми золотистыми квадратами. Я просыпалась без будильника, не торопясь. Вставала, умывалась, надевала удобную одежду — не пиджак, не туфли на каблуках, а простой свободный льняной фартук, который сшила сама. И заваривала чай. Не на бегу. Не перед экраном телефона. По всем правилам.

Я брала щепотку листьев чёрной смородины, горсть ягод малины, несколько кусочков сушёного шиповника. Шиповник я предварительно слегка раздавливала деревянным пестиком, чтобы нарушить целостность оболочки и дать воде возможность забрать витамины. Я не кипятила воду для заваривания. Давала ей остыть после закипания, чтобы температура опустилась до восьмидесяти градусов и витамин С не разрушился. Заливала травяную смесь, накрывала чашку блюдцем. Ждала семь минут. Не больше и не меньше. За это время эфирные масла не улетучивались, а оставались внутри, смешивались с водой и превращались в целебный настой, а не в отходы. Потом я снимала блюдце и делала глоток.

Первый глоток всегда был самым важным. Он не обжигал. Не был резким. Он был тёплым, чуть терпким, с лёгкой освежающей кислинкой смородины и мягкой сладостью малины. Он проникал не в желудок, а куда-то глубже. В те места, где годами копилась усталость. Где напряжение ощущалось в плечах, челюстях, спине. Травы действовали медленно, как тёплый дождь, пробивающийся сквозь мёрзлую землю. Они напоминали телу, как дышать. Как расслабляться. Как быть живым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.